

Фарах ГУСЕЙН,
доктор философии по истории

Обещал ли шах Аббас I уступку азербайджанских городов Московскому государству?

Окончание. Начало см. "IRS-Наследие" №103-104, 2020

Жемчужина архитектуры средневекового Баку - дворец Ширваншахов

В 1591 году сефевидские власти направили в Москву посольство во главе с Каем, который во время приема у русского царя заявил об уступке городов Шемаха и Дербент, предложив даже российской стороне прислать войска.

Можно предположить, что сефевидскому двору, который ранее опровергал инициирование вопроса уступки прикаспийских городов со

своей стороны, не случайно **в срочном порядке понадобилось возобновлять этот вопрос в то время, когда мир с Османской империей уже был заключен**, т.е. отпала необходимость срочного заключения антиосманского союза. Представляется, что целью было предупредить вероятное вмешательство в конфликт с Гилянкой третьей стороны в той или иной форме. Зная о том, что

Ворота "Баят-капы" в Дербенте. Современное фото

Ахмед-хан в обход сефевидских властей не только поддерживал сношения с московским двором, но также обращался и к турецкому султану с просьбой о протекции и обещаниями взамен содействовать в походе османских войск на Казвин (по поводу чего сефевидский двор направил протест в Стамбул), шах Аббас I решил предпринять необходимые упреждающие шаги, отправив гонца Кая в Москву с поручением призвать русские войска к вторжению в Ширван. Скорее всего, **этим маневром он ставил целью столкнуть русских с османами и отвлечь как тех, так и других от ситуации в Гиляне.** Небезынтересная деталь: предложение к московским властям не нашло письменного отражения в грамоте шаха Аббаса I, отправленной с Каем, а было передано последним на словах. Все это еще раз подтверждает, что **шах Аббас I всего лишь играл на притязаниях Москвы на выше-названные города, проводя свой внешнеполитический курс. После урегулирования гилян-ской проблемы для сефевидской стороны не было причин продолжать дипломатическую игру с уступкой городов.** Поэтому сразу же после успешного завершения похода в Гилян и восстановления здесь своей власти в мае 1592 г. (прим. 1) шах Аббас I, направляя в Москву посланника Хаджи Хосрова, выступившего в путь еще до возвращения гонца Кая, наделил его исключительно торговой миссией. Вопрос заключения антиосманского военного союза и уступки городов этой миссией

ни в какой форме не затрагивался. Тем не менее, шах известил московские власти о бегстве Ахмед-хана из Гиляна в Ширван и восстановлении своей власти в Гиляне. Во время аудиенции с Борисом Годуновым сефевидский посланник заявил, что

Царь Федор Иванович (1584-1598). Портрет из рукописи "Царский титулярник"

Нарын-кала - цитадель Дербента. Современное фото

шах поручил ему передать: «...Гилян у него государя (прим. 2) место голдовное было, сидят на них посаженники государя нашего, и ныне был на Гиляне царь Ахмет, а посаженник был государя же нашего» (12, 187). Далее сообщалось, что Ахмед-хан наладил связи с османами, о чем стало известно шаху, и он приказал Ахмед-хану явиться к нему, а когда тот не поехал, сам выступил в Гилян, и тогда Ахмед-хан бежал к туркам (прим. 3). Шах Аббас посадил в Гиляне «своего ближнего человека Магмет Кулихана» и велел известить об этом московские власти [12,187,188]. Таким образом, **отправка к русскому царю Хаджи Хосрова фактически имела целью уведомить Москву о восстановлении в Гиляне шахской власти**, а также потребовать выдачи сефевидским властям находившихся в Москве гилянских послов и их имущества.

Однако если для Сефевидского государства заключение с русскими антиосманского военного соглашения и связанный с ним вопрос уступки городов были всего лишь дипломатической игрой, то **Москва была настроена куда серьезнее и, видя уклончивость шахского двора, перешла к более решительным шагам**. В 1595 г. русский двор отправил к шаху весьма представительное посольство в составе 75 человек с конкретной целью: добиться заключения военного соглашения. Как замечает П.Бушев, важность задачи, поставленной перед посольством, определила и его состав: **первым послом был назначен представитель**

старинного рода, «воевода и наместник арзамаский» князь Василий Тюфякин, а вторым – дьяк Семен Емельянов, оба в ранге «великих послов». Помимо традиционных грамот от царя Федора Ивановича и Бориса Годунова на имя шаха Аббаса I, а также грамоты от Бориса Годунова к новому правителю Гиляна Ферхад-хану, послы везли еще и проект антиосманского военного соглашения между Московским и Сефевидским государствами. О том, как велико было желание русской стороны добиться от Сефевидов заключения антиосманского союза и уступки городов, говорит тот факт, что вышеназванный **проект военного соглашения был составлен русской дипломатической службой не только от имени царя Федора под названием «Докончальная грамота – государево слово», но и от имени сефевидского шаха под названием «Докончальная грамота шах Аббасово слово»**. Проект военного соглашения, в котором обговаривались детали будущего военного союза, обязывал шаха Аббаса I отвоевать у турок в союзе с русскими войсками захваченные города и уступить Москве Дербент, Шемаху и Баку, а в дальнейшем «*великому государю Аббас шахову величеству в те города не вступатися*» (12, 372).

Привлекает внимание, что, зная об уклончивости шаха Аббаса I в данном вопросе, русское правительство в специальном документе под названием «Наказ послам» (прим. 4), которым неиз-

менно снабжались послы (в случае с посольством Тюфякина этот наказ был особенно объемистым и подробным из-за важности возложенной на него миссии), детально инструктировало своих дипломатов относительно того, как добиться от шаха Аббаса I подписи под «докончальной грамотой». В этой инструкции были предусмотрены все возможные варианты с тем, чтобы исключить всякое ухищрение со стороны сефевидского шаха. Так, среди многочисленных поручений и инструкций особенно привлекает внимание предписание русским послам о том, что **когда «большое дело» совершится, т.е. шах Аббас I согласится подписать «докончальную грамоту» и велит русским послам написать присланный царем текст грамоты «татарским письмом», то им не следует исполнять это.** Отговорившись тем, что татарский переводчик умер в дороге, а другой плохо знает по-персидски, предложить перевести грамоту сефевидской стороне при условии, чтобы перевод был осуществлен *«по татарски или по фарсовски прямо с того списка, каков список дан им [сефевидским властям – Ф.Г.] на образец, слово в слово, а прописки б и хитрости ни в чем не было. А будет в чем прописка в каком деле мимо того списка, каков они дадут по русски, или в чем какая хитрость будет, и то дело будет не в дело, и правда не в правду»* (12, 370, 371). Нетрудно понять, что московский двор пытался с помощью такой уловки лишить противную сторону возможности для отговорки путем

ссылок на неправильный перевод.

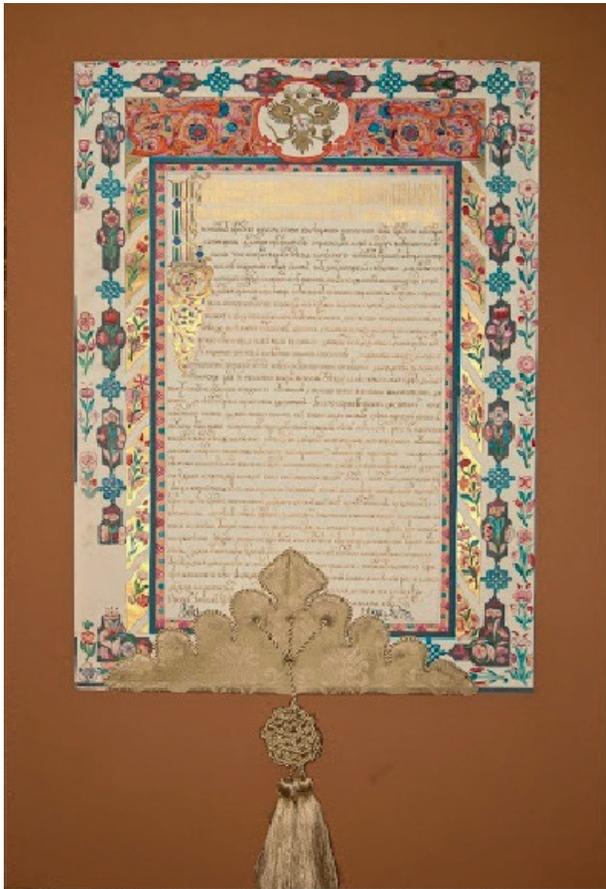
«Докончальные грамоты» царя Федора и шаха Аббаса I, в которых, как отмечает Бушев, впервые в письменной форме зафиксирована претензия Русского государства на город Шемаху, оговаривали также торговые вопросы между двумя государствами. «Докончальная грамота», составленная от имени шаха Аббаса I, свидетельствует о том, что русские власти, не добившись реальных результатов в вопросе заключения с Сефевидами антиосманского военного союза и «добровольной» уступки городов, перешли к открытым притязаниям на них.

Пытаясь добиться от шахского двора подписания этого проекта, русские власти отводили оппонентам довольно пассивную роль, заключающуюся в том, чтобы перевести ее на «татарский» или «фарсовский» (т.е. азербайджанский или персидский) язык и приложить печать. Тот же «Наказ послам», помимо детальных инструкций послам, содержал и подробности приложения шахской печати, как видно, во избежание возможных отговорок. Отдельно послы были проинструктированы на тот случай, если шах или его окружение станут утверждать, что Хады-бек «говорил о соединенье и о укрепленье не по шахову приказу, а затеяв собою» (12, 355).

Однако непредвиденные события перечеркнули все планы русской дипломатии. **После гибели послов Тюфякина и Емельянова некому**

Ворота "Даг-капы" ("Горные ворота") в Дербенте. Современное фото

Один из указов царя Федора Ивановича

стало «править посольство» перед сефевидскими властями, и оставшиеся члены дипломатической миссии решили, что в такой ситуации лучше не вручать привезенные грамоты. В итоге, невзирая на требования шахских представителей, члены русской миссии утаили от них «доконечные грамоты».

Анализ русско-сефевидских дипломатических сношений в конце XVI-начале XVII веков свидетельствует, что **обещания сефевидской стороны уступить вышеназванные города были, во-первых, юридически неправомочными**, поскольку, в указанный период города эти находились под властью османов, и Сефевидское государство было лишено возможности распоряжаться ими; **во-вторых, - не более чем дипломатическим маневром, предпринятым в ответ на притязания Московского государства**. Кроме того, обсуждение вопросов такого масштаба, как заключение антиосманского союза и связанный с ним вопрос об уступке городов, предполагало отправку Сефевидами достаточно представительного посольства, чего неоднократно требовала

и русская сторона. Однако **в числе прибывших к московскому двору в данный период представителей Сефевидского государства не было ни одной персоны ранга посла**. Хады-бек, как уже отмечалось, происходил из купеческой гиланской семьи, Бутак-бек занимал должность шахского птичника, Кай был всего лишь гонцом, т.е. своего рода курьером, вручавшим грамоту без полномочий на ведение дипломатических переговоров, а Хаджи Хосров был купчиной. В ответ на посольство князя А.Д.Звенигородского (1594-1595), который имел ранг посла, в Москву был отправлен Пакизе Имам Кули-бек (1596-1597), о котором «известно лишь, что он был незначительной фигурой» и имел малый чин. Документов, связанных с миссией Пакизе Имам Кули-бека, в русских архивах не сохранилось, но, как полагает П.Бушев, *«трудно полагать, что шахский двор, посылая такого ординарного чиновника в Москву, поручил ему важное и серьезное дело»* (5, 267). В ответ же на великое посольство Тюфякина и Емельянова шах отправил в Москву Пир Кули-бека, человека заурядного и рядового чиновника шахского двора – факт, вызывающий сомнение в значимости миссии посольства (5, 344).

Таким образом, есть все основания утверждать, что **вопрос уступки азербайджанских городов Московскому государству, возникший из авантюристических устремлений определенных сил, был использован шахом Аббасом I для реализации своих планов, которые отнюдь не предполагали реальную передачу этих городов другому государству**. Ведь, как уже отмечалось выше, передача городов предполагалась в качестве компенсации за заключение русско-сефевидского военного союза против Османской империи. А, как верно заметил тот же П.Бушев, изучение архивных документов показывает, что в политических отношениях шаха Аббаса I с Московским государством подобный вопрос никогда не стоял (5,339). *«Очевидно, он [шах Аббас – Ф.Г.] не очень полагался не только на далекую и незнакомую Европу, но и на ближе расположенную Москву, и надеялся лишь на себя и на кое-какую помощь со стороны Московского государства по охране границы на Тереке»* (5, 341).

Важно отметить, что в данной статье много апелляций к книге П.Бушева, многие из соображений и выводов которого мы считаем справедливыми и обоснованными. Многие суждения автора

книги наводят на мысль о том, что вопрос уступки городов был одним из компонентов сложного комплекса русско-сефевидских взаимоотношений и использовался шахом Аббасом I, в частности, в гилянском вопросе как дипломатический ход с целью отвести потенциальную угрозу, которая могла исходить со стороны как османов, так и русских. Однако в силу тех или иных причин такой вывод не высказывается в книге открыто. В настоящей статье мы попытались устранить этот пробел.

В заключение хотелось бы заметить также, что политика шаха Аббаса I в вопросе заключения с Московским государством военного союза на условии уступки городов весьма показательна с точки зрения оценки деятельности этого незаурядного кызылбашского правителя. Этот момент указан также в характеристике, которая была дана деятельности шаха Аббаса I его **придворным историком Искендер-беком Мунши** и на которую ссылается в своей статье известный канадский исследователь истории Сефевидского государства Роджер Сэйвори. Отдавая должное полководческому дарованию шаха Аббаса I как *«блестящего стратега и полевого командира»*, и сравнивая его с Юлием Цезарем в манере *«добиваться превосходства благодаря внезапности нападения в результате форсированного марша малыми силами»*, Сэйвори со ссылкой на Мунши отмечает, что **главные причины его почти неизменных военных успехов - осторожность и предусмотрительность**. *«Если шах Аббас мог добиться цели дипломатическим путем лучше, нежели военным, он предпочитал использовать мирные средства и был готов выждать годами для достижения поставленной задачи»* (17, 29, 30).

Благодаря своему политическому гению в экстремальных для государства условиях сефевидский правитель сумел со временем разрешить в свою пользу практически все конфликтные ситуации, имевшиеся в отношениях с Московским государством, в том числе отвести его притязания на азербайджанские города, не вступая при этом в конфронтацию. ❀

Примечания

Прим. 1. О походе шаха Аббаса I в Гилян см. (10, 129-131)

Прим. 2. В выражении *«Гилян у него государя место голдовное было»* Веселовский под *«государем»* подразумевает почему-то не шаха Аббаса I, а

«гилянского государя», внося на сей счет соответствующее пояснение (12, 187). Однако данное уточнение представляется ошибочным, если учесть, что устаревшее слово *«голдovник»* (соответственно *«голдovный»*) означает *«поселенец на чужой земле; хозяин, зависящий от владельца; род пожизненного или наследственного арендатора; ленный вассал»* (8, 366).

Прим. 3. О дальнейшей судьбе Ахмед-хана, нашедшего убежище в Османской империи, см. (20)

Прим. 4. «Наказ» послам был вторым по важности, но иногда первым по секретности документом русского посольства. Это была подробнейшая инструкция не только о задачах посольства, но и о том, как их выполнять. Весь дипломатический церемониал подробно излагался в наказе (5, 4).

Литература

1. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения (XV-XIX вв.), часть I. Баку, 1985
2. Ашурбейли С.Б. История города Баку. Баку, 1992
3. Бакиханов А. Гулистан-Ирам. Редакция, комментарии, примечания ак. АН АзССР

Летописец. Сефевидский художник Садыг бек Афшар. XVI век

Царь Федор Иванович. Реконструкция М.Герасимова

3. М.Буниятова. Баку, 1991
4. Белокуров С.А. Сношения с России с Кавказом. Вып.1. 1578-1613. Москва, 1889
5. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам) Москва, 1976
6. Гейдаров М.Х. Торговля и торговые связи Азербайджана в позднем средневековье. Баку, 1999
7. Гусейнов А.Н. Азербайджано-русские отношения XV-XVII вв. Баку, 1963
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, том I. Москва, 1955
9. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Сочинение Н.М.Карамзина. Изд. 5, в трех книгах. Кн. II, СПб., 1842; Кн. III, СПб., 1845
10. Книга Орудж-бека Байата Дон Жуана Персидского. Перевод с английского, введение и комментарии д.и.н. О.Эфендиева, к.и.н. А.Фарзалиева. Баку, 1988
11. Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV- начало XVII века). Баку, 1981
12. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Изданы под редакцией Н.И.Веселовского, том I. СПб., 1890
13. Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI-XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. Баку, 1949
14. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958
15. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку, 1981
16. Словарь современного русского литературного языка, том I. Москва - Ленинград, 1948
17. Roger M.Savory. Studies on the History of Safawid Iran. London, 1987. XII "Very dull and Arduous Reading". A Reappraisal Of The History of Shah Abbas The Great By Iskandar Beg Munshi, pages 19-36
18. Savory R. Iran under the Safavids. Cambridge, London, N.Y., 1980
19. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961
20. Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı devletine iltica etmiş olan Karekiya hanedanından Ahmed han nerede vefat etti? // Türk Tarih Kurumu. Belleten cilt XXVIII, No 109. Ankara, 1964
21. Fərzəlibəyli Ş.F. XVI əsr Azərbaycan-Türkiyə münasibətlərində Gilanın rolu // Tarix və onun problemləri, №1. Bakı, 1999
22. Эфендиев О.А. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981
23. http://annals.xlegio.ru/rus/zimin/zim_604.htm
24. <http://russia-in-www.narod.ru/memoirs-15.htm>

Based on a comparison of information about the actions of the Safavid and Moscow states, in particular the exchange of embassies in the 1590s, the final part of the article concludes that the promise of Shah Abbas I to cede a number of Azerbaijani cities to the Moscow state in exchange for military assistance against the Ottoman Empire was a diplomatic ploy designed to neutralize possible tension in difficult foreign policy conditions: being in a state of war with the Ottoman Empire and the Sheibanids, the Safavid state had to resolve the problem of separatism on the part of Gilan.